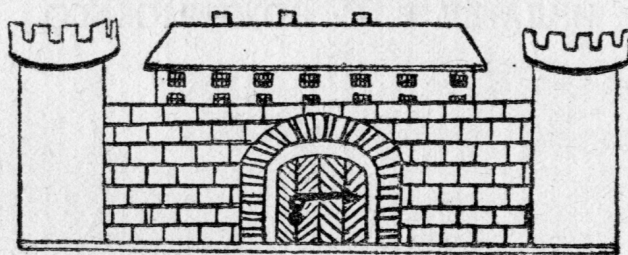

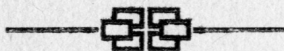
Вл. Войтинскій.

ВНѢ ЖИЗНИ.

Очерки тюрьмы и каторги.

Обложка и заставки работы художн. Н. Войтинской.

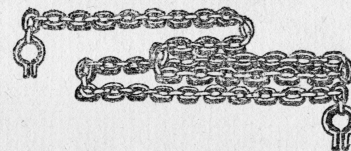

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ В. С. ВОЙТИНСКАГО.

Тито-лит. Акц. О-ва „Самообразование“. Сиб. Забалканскій пр., № 75.

*Эти страницы, написанныя въ тюрьмѣ
и на каторгѣ,
посвящаю моей сестрѣ
Надеждѣ Савельевнѣ
Войтинской.
Авторъ.*

Отъ автора.

Печатаемые здѣсь очерки написаны за время отъ 1908 до 1912 года. Эти годы авторъ провелъ въ тюрьмѣ и на каторгѣ въ обстановкѣ, открывшей ему возможность наблюдений надъ такими явленіями, о которыхъ свободные люди мало думаютъ, такъ какъ мало знаютъ. Авторъ считалъ своимъ долгомъ описать то, что пришлось ему видѣть. Это не публицистика, такъ какъ авторъ не задавался цѣлью убѣдить кого то въ чемъ бы то ни было. Это не беллетристика, такъ какъ авторъ ничего не сочинялъ и не задавался никакими художественными цѣлями. Это не мемуары, такъ какъ личныя переживанія автора для данныхъ очерковъ не имѣютъ большого значенія. Скорѣе всего — это отчетъ, который даетъ авторъ о видѣнномъ.

Собранные здѣсь очерки первоначально печатались за различными подписями въ различныхъ изданіяхъ¹⁾. Авторъ рѣшился переиздать ихъ, такъ какъ только собранные вмѣстѣ, въ естественной послѣдовательности, эти очерки могутъ дать болѣе или менѣе полную картину.

Иркутскъ
Январь 1914 г.

Вл. Войтинскій.

¹⁾ „Смертники“ — „Вѣстн. Европы“ — іюль-августъ 1910 г. „За желѣзной рѣшеткой“ — „Русское Богатство“ — №№ 6, 7, 8 за 1912 г. „Послѣ взрыва“ — „Русское Богатство“ — августъ 1913 г.

полныя преувеличенія, проникнутые восхищеніемъ рассказы я слышалъ и объ одномъ городскомъ, и о нѣкоторыхъ тюремныхъ надзирателяхъ, и даже объ одномъ помощникѣ начальника сыскаго отдѣленія.

Можетъ быть, я не вполне точно характеризовалъ порожденную тюрьмой переоцѣнку цѣнностей, опредѣливъ изображенное явленіе, какъ развитіе *романтики кулака*. Можетъ быть, какое-нибудь другое слово, какая-нибудь другая формула лучше передастъ сущность этого явленія.

Не слово, не формула важны для меня. Важно было мнѣ отмѣтить, какъ гнетъ тюрьмы разрушаетъ въ людяхъ ихъ прежнюю вѣру въ духовныя цѣнности; какъ привыкаютъ они уважать лишь такія качества человѣка, какъ сила, храбрость. Важно отмѣтить, какъ подъ гнетомъ тюрьмы отвыкаютъ люди отъ прежнихъ своихъ разговоровъ, отъ старыхъ своихъ интересовъ, начинаютъ по новому разговаривать, по новому мыслить.

III.

„Полѣвѣвшіе“.

Не на всѣхъ узниковъ одинаково разрушительно дѣйствовало пребываніе въ тюрьмѣ. И было бы нелѣпымъ преувеличеніемъ и грубой несправедливостью думать, что каждый человѣкъ, пробывшій опредѣленное число лѣтъ подъ гнетомъ желѣзной рѣшетки, проникался романтикой кулака и презрѣніемъ къ какимъ бы то ни было некулачнымъ цѣностямъ, къ какой бы то ни было идеологіи.

Подобнаго рода скороспѣлое обобщеніе было бы и несправедливо, и невѣрно: вѣдь мы знаемъ десятки людей, которые, проведя четверть вѣка подъ тюремными сводами, выходили на волю съ бѣлыми какъ снѣгъ воло-

сами, но съ неостывшимъ огнемъ въ груди. Передъ всѣми нами стоятъ эти люди съ желѣзной волей и съ душой, недоступной дѣйствию тюремной ржавчины.

Но вѣдь не одни такіе попадаютъ въ тюрьму. Попадаютъ туда и слабые люди, не рожденные съ душами борцовъ, но случайно захваченные бурнымъ потокомъ событий. И на нихъ желѣзная рѣшетка производитъ свое разрушительное дѣйствіе, — иногда даже въ самый короткій промежутокъ времени, до истеченія какихъ-нибудь 2—3 лѣтъ ихъ пребыванія въ тюрьмѣ. Только объ этихъ слабыхъ людяхъ, случайныхъ участникахъ революціи и случайныхъ жертвахъ реакціи, только о нихъ говорю я.

Дѣйствіе тюрьмы на этихъ слабыхъ людей проявлялось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Не всѣ подъ вліяніемъ тюрьмы проникались «блатной» романтикой кулака. Многіе сохраняли внѣшній лоскъ культурности, — который, разумѣется, несовмѣстимъ съ исповѣданіемъ «блатной» идеологіи, — но психическое разложеніе происходило въ нихъ не менѣе глубоко, чѣмъ у ихъ товарищей, окончательно усвоившихъ романтику кулака. Изъ процессовъ такого психическаго разложенія особенно характерны два: тюремное «полѣвѣніе» и тюремное «поправѣніе». Объ обоихъ этихъ процессахъ я намѣренъ рассказать теперь.

Сразу послѣ ареста и послѣ привода моего въ N-скую тюрьму я попалъ въ 7-ую слѣдственную камеру. Здѣсь сидѣли исключительно лишь политическіе или люди, которыхъ администрація тюрьмы считала политическими. Внутренней борьбы съ уголовными, о которой я говорилъ выше, въ нашей камерѣ не было. Ничто не мѣшало разговаривать на политическія темы, и потому политическая

физиономія каждого товарища по камерѣ обнаруживалась здѣсь при первомъ же знакомствѣ.

Составъ нашей камеры былъ крайне смѣшанный. Были здѣсь и эсдеки, и эсэры, и акаки (анархисты-коммунисты), и лица, про которыхъ въ шутку говорили, что они изъ партіи н. б. н. м. н. к., т. е. изъ партіи «ни бэ, ни мэ, ни кукуреку». Много было здѣсь «бывшихъ с.-д.», «бывшихъ с.-р.», «бывшихъ анархистовъ». Сособенно замѣтны были эти «бывшіе» среди старожиловъ тюрьмы, арестованныхъ 2—3 года тому назадъ.

Изъ этихъ «бывшихъ» часть уклонилась въ тюрьмѣ отъ своихъ прежнихъ партійныхъ взглядовъ *влѣво*, часть *вправо*. Но «полѣвѣвшихъ» было больше.

Само собою разумѣется, что въ выходѣ человѣка изъ партіи, отъ жизни которой онъ былъ оторванъ въ теченіе 2—3 лѣтъ, нѣтъ ничего дурного. И особенно естественно это у насъ, въ Россіи, гдѣ въ 1905-6 г.г. къ революціоннымъ партіямъ примкнуло столько людей, совершенно не разбиравшихся въ партійныхъ программахъ. Въ тюрьмѣ люди могли пересмотрѣть свои взгляды, могли подучиться, могли отказаться отъ своихъ прежнихъ ошибокъ. Что можетъ быть естественнѣе этого?

Но вотъ что удивило меня. Сознательной перемѣнѣ политическихъ убѣжденій у человѣка должна была бы предшествовать опредѣленная работа мысли. Между тѣмъ, большинство «бывшихъ» с.-д., с.-р. и а.-к. въ нашей камерѣ какъ то мало интересовались политическими и общественными вопросами. Въ то время (это было въ началѣ 1908 г.) въ тюрьмѣ было еще довольно много книгъ по общественнымъ наукамъ, но этихъ книгъ «бывшіе» почти не читали. Отъ разговоровъ на политической темѣ они не уклонялись, но вели эти разговоры какъ-то странно: постоянно ходили вокругъ да около вопроса,

аргументировали очень горячо, страстно, но вмѣстѣ съ тѣмъ сбивчиво и туманно, хотя отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ можно было бы ожидать несравненно большей обоснованности сужденій. Особенно охотно вступали въ споры со своими прежними единомышленниками «полѣвѣвшіе». И главнымъ образомъ, по этимъ спорамъ можно было установить особенности новаго міровоззрѣнія у каждого изъ нихъ и то, что было общаго въ продѣланной всѣми ими эволюціи «влѣво».

Среди бывшихъ с.-д. въ нашей камерѣ обращали на себя вниманіе двое рабочихъ мѣстнаго рельсопрокатнаго завода. Одному изъ нихъ было уже лѣтъ подлѣ 50. Это былъ человѣкъ, выдавшій виды на своемъ вѣку: объ этомъ говорила его преждевременно поблѣвшая борода, его умные, немного грустные глаза, его спокойныя, увѣренныя манеры. Звали его Акимъ Григорьевичъ. Какъ я узналъ отъ товарищей, на волѣ онъ работалъ въ с.-д. организаціи, работалъ энергично и самоотверженно и пользовался огромнымъ вліяніемъ среди рабочихъ своего завода. Другой рабочій того же завода, арестованный вмѣстѣ съ Акимомъ Григорьевичемъ, былъ такъ молодъ на видъ, что его можно было принять за внука старика. Въ камерѣ его звали не иначе, какъ уменьшительнымъ именемъ — Сеня. Онъ держался постоянно возлѣ своего старшаго товарища, вмѣстѣ съ нимъ обѣдалъ и пилъ чай, вмѣстѣ съ нимъ выходилъ на прогулку и ходилъ взадъ и впередъ по камерѣ. Вообще старикъ и юноша были неразлучны.

И Акимъ Григорьевичъ, и Сеня оказались «бывшими» с.-д. И такъ какъ они оба, съ перваго же взгляда, невольно располагали къ себѣ, то меня живо заинтересовалъ вопросъ, что оттолкнуло ихъ обоихъ отъ партіи. Ясно было, что и старикъ, и юноша ушли отъ партіи

одним и тѣмъ же путемъ, продѣляли одну и ту же эволюцію. Что же заставляло ихъ обоихъ отказаться отъ своихъ старыхъ политическихъ взглядовъ?

При первомъ удобномъ случаѣ я завелъ съ ними разговоръ на эту тему.

Это было вечеромъ. Мы сидѣли вмѣстѣ на нарахъ, въ полутемномъ углу камеры, и бесѣдовали о разныхъ разностяхъ. Кругомъ насъ стояло жужжаніе множества голосовъ. Сеня заговорилъ о будущей работѣ на волѣ.

— Не знаю я, что буду я на волѣ дѣлать, — замѣтилъ онъ, задумчиво глядя вдаль своими ясными, почти дѣтскими глазами: — только въ партіи не смогу я больше работать.

— Почему такъ? — спросилъ я его.

— Не смогу, — повторилъ Сеня: — душа не лежитъ.

— Но вѣдь раньше вы работали! Неужто теперь эта работа не удовлетворяетъ васъ?

— Раньше работалъ... Раньше я многого не понималъ. А теперь другое дѣло... Глаза раскрылись... Теперь я лучше вещи вижу... Теперь не могу, — послѣ тюрьмы. Здѣсь я много понялъ...

Это было произнесено съ такимъ выраженіемъ тоски и боли въ голосъ, что мнѣ стало жаль парня:

— Полно, Сеня, — сказалъ я ему. — Глаза только въ борьбѣ раскрываются, когда всѣ силы человѣка крѣпнуть, а не въ тюрьмѣ. На волѣ вы учились бы правильно вещи видѣть. А тюрьма чему могла научить васъ? Просто измучились вы здѣсь. А вотъ выйдете на волю, вздохнете опять вольнымъ воздухомъ, — и опять будете на мѣрѣ и на жизнь по иному смотрѣть, и опять въ работу броситесь!

Губы Сени искривились слабой улыбкой:

— Если бѣ могъ я только на жизнь по-старому смо-

трѣть! Только раньше мы вѣдь сами себя обманывали. А нарочно обмануть себя, чтобы повѣрить тому, чего нѣтъ, нельзя.

— Въ чемъ же вы обманывали себя? Въ социализмъ вы больше не вѣрите, или въ революцію?

— Нѣ-ѣ-ѣтъ, въ социализмъ я вѣрю, въ революцію тоже, — какъ то вяло и нерѣшительно отвѣтилъ Сеня.

А Акимъ Григорьевичъ прибавилъ вѣско и твердо:

— Если намъ въ будущее не вѣрить, чѣмъ жить мы станемъ? Какъ будемъ свою лямку тянуть? Вѣдь знаете, какая жизнь у рабочихъ: нужда, голодъ, обиды со всѣхъ сторонъ.

— Въ чемъ же дѣло? — опять я спросилъ Сению: — Если вы остались социалистомъ, что мѣшаетъ вамъ въ партіи работать?

— Видите ли, товарищъ, — порывисто и быстро заговорилъ Сеня: — Въ 5-мъ году мы въ забастовки, въ возстанія, въ силу рабочаго движенія вѣрили. Думали, рано или поздно, а своего народъ добьется. Всѣхъ рабочихъ мы тогда социалистами считали. Онъ, можетъ быть, темный совѣзмъ, безграмотный, послѣ каждой полочки, какъ свинья, напивается, жену и дѣтей колотить, а мы и его социалистомъ считали! Я тогда только-только жить начиналъ. Придешь на заводъ... Кругомъ всѣ какъ будто ждутъ чего-то большого, радостнаго... Многие и пить совѣзмъ бросили... Намъ, ученикамъ, тоже легче стало. Мастера уже не ругаются, не шпыняютъ зря... Мальчишекъ тоже бить перестали... Кругомъ только и слышно: «Товарищъ, товарищъ!» И впрямь всѣ товарищи были. Бѣда съ кѣмъ стряется, — сразу по всѣмъ мастерскимъ сборъ сдѣлаютъ... Въ шапку каждый что-нибудь да положить, — не гривенникъ, такъ пятакъ. Про много всѣ знаютъ, что онъ самъ съ семьей безъ хлѣба сидитъ, а смотришь, — и онъ пятакъ въ

шапку положить: нельзя товарищу въ помощи отказать! И вѣрили тогда другъ въ друга, и въ себя вѣрили. Иной разъ, смотришь, смотришь вокругъ, видишь, какъ люди словно иные стали, и думаешь: чтобы мы, да не побѣдили! Чтобы мы, да новой жизни себѣ не устроили! Тогда у насъ на заводѣ часто с.-д. выступали. Каждую недѣлю раза по 2 митинги устраивали, — то въ цеху, то на дворѣ въ обѣдъ, то у воротъ послѣ гудка. Помню первый митингъ у насъ въ старой механической устроили... Еще тогда товарищъ Аркадій, меньшевикъ, выступалъ. Говорилъ о 8-часовомъ рабочемъ днѣ, о социализмѣ, о классовой солидарности, объ организаціи массъ... Много о чемъ говорилъ. Меня такъ и захватило всего. Какъ будто новымъ человѣкомъ сталъ: вотъ, думаю, гдѣ правда! Листки социаль-демократическіе у насъ въ заводѣ и раньше были. Только по печатному такъ хорошо я не могъ все понять, какъ тогда съ живого слова понималъ. Сталъ я искать человѣка, который меня ближе съ партіей познакомилъ бы. Мнѣ одинъ товарищъ на Акима Григорьевича и указалъ. Сталъ я просить его, чтобы принялъ меня въ партію. Акимъ Григорьевичъ отказалъ мнѣ сперва, а потомъ уступилъ. Въ кружокъ я сталъ ходить... Пропагандистка къ намъ каждую недѣлю пріѣзжала. И все, казалось, что стоимъ мы на вѣрномъ пути... Какъ же! Вѣдь весь нашъ пролетаріатъ какъ одинъ человѣкъ идетъ. Значить, сила не въ отдѣльныхъ выскочкахъ, а въ народной массѣ, въ общей борьбѣ. А для общей борьбы, дѣйствительно, знанія нужно побольше. Вѣдь видѣлъ я тогда, что какой-нибудь Тишка или Мишка, который забастовку какъ герой какой-то проводитъ, на дѣлѣ еще меньше, чѣмъ я въ вопросахъ разбирается... Понимаешь отлично, что не можетъ это такъ оставаться. Нужно учиться, читать, побольше знаній набирать, что-

бы потомъ всѣ эти знанія товарищамъ передать, глаза имъ открыть. И въ кружкахъ я такъ внимательно, такъ внимательно, бывало, слушаю: стараюсь каждое слово пропагандистки въ памяти удержать, чтобы потомъ дальше передать. Бывало, каждое слово я въ памяти хранилъ, какъ драгоценность какую-нибудь, какъ святыню... А потомъ все обманомъ оказалось!..

Сеня умолкъ, взволнованный нахлынувшими воспоминаніями, взвинченный собственной рѣчью. Онъ сидѣлъ подавленный, грустный, подперевъ обѣими руками голову, и опять глаза его были устремлены куда-то вдаль. Понуривъ голову сидѣлъ рядомъ съ нимъ его старый товарищъ. Видно было, что и онъ пережилъ всѣ тѣ радостныя волненія, о которыхъ только что вспоминалъ Сеня, и онъ пережилъ вмѣстѣ съ нимъ глубокое, мучительное разочарованіе, когда то, во что они вѣрили, оказалось «обманомъ». И въ ихъ разочарованіи ясно чувствовалась не пустая фраза, а глубокая душевная драма.

Съ минуту длилось молчаніе въ нашемъ тѣсномъ кружкѣ въ полутемномъ углу камеры. Я первый нарушилъ это молчаніе:

— Въ чемъ же вы видите «обманъ», товарищи? — спросилъ я.

Сеня промолчалъ, будто не слышалъ вопроса. Отвѣтилъ Акимъ Григорьевичъ:

— Въ томъ обманъ былъ, — началъ онъ своимъ обычнымъ вѣскимъ и твердымъ тономъ, — что массу свою мы невѣрно понимали, и ей не то указывали, что нужно было. Да! Сеня полную правду сказалъ, какъ въ 5-мъ году мы на себя смотрѣли и какъ весь рабочий классъ видѣли. Для насъ всѣ — социалисты были. А на повѣрку-то, поглядите, какимъ народъ-то нашъ оказался. Сволочью оказался, простите за выраженіе! Такой сволочью, что стыдно товарищу въ глаза посмо-

трѣть. Хоть нашъ заводъ рельсопрокатный, для примѣра, возьмите. Что у насъ теперь дѣлается! Съ 6-го года стала дирекція штаты сокращать: заказовъ, молъ, мало по случаю кризиса. А между тѣмъ на заводѣ въ 6 мастерскихъ по вечерамъ работали. Ну, собрались рабочіе на митингъ въ вальцовочной и резолюцію приняли: сверхурочныхъ работъ никому не работать! Павловъ на митингѣ томъ предсѣдательствовалъ. Братъ ко мнѣ на свиданіе приходилъ, рассказывалъ, какую онъ рѣчь держалъ. «Предателемъ и измѣнникомъ, говоритъ, тотъ будетъ, кто своей сверхурочной работой у голоднаго товарища послѣдній кусокъ хлѣба вырываетъ!» А теперь у насъ на заводѣ почти всѣ сверхурочныя работы работаютъ. Только тотъ и не работаетъ, кому дирекція не даетъ. А Павловъ нашъ первый же другимъ примѣръ показалъ. Вотъ и оказалась солидарность рабочаго класса! Вотъ и оказалось, какъ мы раньше говорили, что не въ одиночку бороться нужно, а всѣмъ массой!.. А то, вотъ другой примѣръ. Когда послѣ обстрѣла завода арестовали насъ, депутатовъ, рабочіе постановленіе вынесли всѣмъ нашимъ семьямъ помощь оказывать. Иначе и нельзя было: вѣдь насъ весь заводъ выбиралъ, и отъ себя мы ничего не дѣлали, все отъ завода, за всѣхъ рабочихъ. Разсчитали, что пять семействъ безъ средствъ остались. Хотѣли положить имъ столько помощи, сколько мы на заводѣ зарабатывали, да мы изъ тюрьмы написали, что можно и поменьше положить, лишь бы аккуратно каждый мѣсяць доставляли. Ну, тогда на каждое семейство по 25 р. въ мѣсяць назначили. Значить, на всѣхъ 125 р. собрать нужно: дать каждый хоть по пятаку въ получку, — и довольно будетъ. Для завода не тяжело, кажется? Ну, съ первой получки 246 рублей собрали. На второй мѣсяць уже 180 р. вышло, въ мартѣ еле-еле 120 р. набрали. А потомъ пошло все

меньше и меньше. Весной какъ-то съ получки 22 р. съ копейками собрали, а послѣ этого и совсѣмъ помогать перестали. Жену мою, было, кассиршей въ заводскую лавку потребителей приняли, жалованья ей 30 р. положили. Она хорошо грамотна и кассиршей свободно служить можетъ. Но приняли-то ее все же какъ бы ради помощи, чтобы не голодать ей съ дѣтьми. Прослужила она такъ съ пять мѣсяцевъ. Вдругъ ей и заявляютъ: «Съ 1-го числа на ваше мѣсто другое лицо правленіемъ назначено». И причинъ никакихъ не объяснили. А потомъ уже она узнала, что на ея мѣсто племянница Агаѣонова — предсѣдателя правленія лавочки — назначена. Когда узналъ я объ этомъ, я Агаѣонову письмо изъ тюрьмы написалъ: на волѣ мы съ нимъ пріятеля были, а къ тому же Агаѣоновъ тогда и въ партіи состоялъ. Ну, на свое письмо я и до сего дня отвѣта жду. Такъ это дѣло и осталось... А доносы... Слыхали, какіе доносы теперь у насъ на заводѣ пошли? Кто что въ мастерской скажетъ, на завтра уже въ конторѣ все знаютъ. Что ни недѣля, — 5—6 человекъ къ расчету назначаютъ. Въ контору идутъ. «За что — спрашиваютъ: — по какой причинѣ?» А дирекція, прямо какъ въ насмѣшку, каждому объясняетъ: «Тебя — за то, что старшаго инженера «бельгійскимъ боровомъ» назвалъ. Тебя — за то, что въ рабочее время вслухъ газету читалъ. Тебя — за то, что Союзъ Русскаго Народа «шайкой хулигановъ» назвалъ». Вѣдь союзники-то въ чести теперь на заводѣ; слова про нихъ не скажи! А откуда могутъ въ конторѣ знать, что въ мастерской говорится? Ясное дѣло, наши же товарищи стараются, доносятъ! Каждый сейчасъ выслужиться хочетъ. По заводу все слухи ходятъ о предстоящихъ расчетахъ. Ну, каждый и боится свое мѣсто потерять. Многіе изъ-за страха и въ Союзъ Русскаго Народа записались, мо-

лебны служить, хоругвь купили... Стыдно рассказывать обо всемъ. Сволочь какая-то оказалась... А мы то кричали: сознательный пролетаріатъ! сознательный пролетаріатъ!

Я хотѣлъ возразить старику, указать ему, что онъ сгущаетъ краски, преувеличиваетъ и обобщаетъ тѣ печальныя явленія упадка, которыя совершенно неизбѣжны въ эпоху реакціи; хотѣлъ указать ему, что, сидя въ тюрьмѣ, трудно судить о томъ, что творится на волѣ. Но старикъ продолжалъ говорить все такъ же печально и вѣско, будто хороня этими словами свою старую вѣру въ товарищей:

— Массоваго движенія намъ хотѣлось. Вотъ тебѣ и массовое движеніе! Да чего отъ массы требовать, когда дорогу имъ наши же сознательные показали? Вѣдь Павловъ, Агаѣоновъ, — орлы у насъ на заводѣ были, весь заводъ за собой вели. И первые же прохвостами сдѣлались! Или еще, вотъ, Куриловичъ работалъ у насъ. Во вторую Думу его депутатомъ провести хотѣли. И пошелъ бы онъ, навѣрное, если бъ въ собраніи уполномоченныхъ тренія не возникли... Это, впрочемъ, уже послѣ моего ареста было, такъ что точно я не знаю, какія тамъ тренія были. Ну, послѣ нашего ареста Куриловичъ депутатомъ отъ всего завода былъ выбранъ, и рабочіе очень довольны имъ были. А онъ, не то изъ самолюбія работалъ, не то и впрямь былъ дѣлу преданъ, — только такъ работалъ, что лучше и желать нельзя. Такъ больше года прошло. А съ полгода тому назадъ такой вышелъ случай. Вызвалъ къ себѣ директоръ Куриловича въ контору. «Вы, говоритъ, у меня на заводѣ депутатствуете, рабочихъ мутите. Я этого допустить не могу. До политическихъ убѣжденій рабочихъ мнѣ никакого дѣла нѣтъ: я не жандармъ. Но я хозяинъ. Мнѣ ваши затѣи въ тысячи рублей влетаютъ. И вы сами бы меня

за дурака сочли, если бъ я противъ этого своихъ мѣръ не принялъ. Однимъ словомъ, говоритъ, или откажитесь отъ своего депутатства и сидите смирно, или съ завода вы въ 24 часа полетите, и дѣло не со мной будете имѣть, а съ жандармскимъ управленіемъ. Поняли?» Куриловичъ и сдрейфиль:: «Я, говоритъ, депутатомъ не по своему желанію сталъ... отказаться мнѣ неловко было. А о томъ, будто я рабочихъ мутить, вамъ г. директоръ, навѣрно передали. Ничего такого не было»... Директоръ увидалъ, съ кѣмъ дѣло имѣеть, и пошелъ ему навстрѣчу. «Вы, говоритъ, человѣкъ толковый и работникъ хорошій. Такихъ людей мы въ дѣлѣ цѣнимъ. До взглядовъ вашихъ, повторяю, мнѣ никакого нѣтъ дѣла. Я васъ охотно оставилъ бы на заводѣ и ротмистру бы въ вашу пользу словечко замолвилъ бы (ротмистръ о васъ уже два раза меня запрашивалъ)... Только вы должны дать мнѣ честное слово рабочего, что никакими такими штуками у меня на заводѣ заниматься не будете. И депутатство свое бросьте. Общаете?» Куриловичу, видно, какъ масломъ по сердцу пришлось, что директоръ съ нимъ какъ съ равнымъ разговариваетъ. Онъ и пообщалъ все, что только буржуй отъ него требовалъ. Въ тотъ же день въ мастерской заявилъ, что отъ своихъ депутатскихъ полномочій отказывается. Причину привелъ, что усталъ, молъ, и времени свободнаго не имѣетъ. Рабочіе на его мѣсто другого выбрали. А Куриловичъ въ сторонѣ остался и работаетъ себѣ, старается. Только глядь, — черезъ мѣсяцъ Куриловича уже бригадиромъ назначили. И пошелъ, пошелъ онъ рабочихъ жать, пошелъ старые грѣхи свои заглаживать. Его уже не проведешь: всѣ наши хитрости противъ ихнихъ хитростей онъ, какъ свои пять пальцевъ, знаетъ. Съ пробой, съ записками на матерьялъ, съ подсчетомъ часовъ при немъ ужъ ничего не сдѣлаешь. Ну и пошелъ онъ въ гору.

Теперь помощником мастера служить. Братъ рассказывалъ, — прямо воють отъ него рабочіе. Убить его даже хотѣли. Такъ онъ на казенную квартиру перѣхалъ и вечеромъ изъ дому не выходитъ. А въ заводъ придетъ, — въ карманѣ непременно револьверъ держитъ, какъ инженеръ какой-нибудь или полицейскій... Да одинъ ли Куриловичъ такъ дѣлаетъ?.. Петровъ, напримеръ...

Акимъ Григорьевичъ хотѣлъ продолжать свои обличенія. Но эти безконечные примѣры старика все дальше и дальше отвлекали насъ отъ первоначальнаго вопроса о причинахъ, заставившихъ моихъ собесѣдниковъ разочароваться во всей социаль-демократической работѣ, какъ въ обманѣ. И, желая вернуть разговоръ къ этому вопросу, я прервалъ рѣчь старика:

— Все, о чемъ вы говорите, можетъ быть, очень печально, товарищъ, — замѣтилъ я. — Но при чемъ же здѣсь партія и партійная работа? Вѣдь вы говорили, что старое партійное дѣло обманомъ оказалось... Такъ я васъ понимаю?

— Ну да, обманомъ! Сами себя мы обманывали и людей обманывали.

— Въ чемъ же обманъ былъ? Что ваши «орлы» — Павловъ, Агаоновъ, Куриловичъ — слабыми людьми или хотя бы негодяями оказались? Что масса рабочая въ тяжелые годы реакціи оказалась малосознательной, недисциплинированной, недостаточно стойкой? Такъ вѣдь этого можно было напередъ ожидать! Вспомните, товарищъ, давно ли у насъ массовое движеніе началось! А развѣ въ нѣсколько мѣсяцевъ можно миллионы людей перевоспитать? Гдѣ же здѣсь обманъ? Къ чему вы всѣ эти исторіи приводите? Развѣ за нихъ можно винить какую бы то ни было партію и отказаться отъ работы?

Мой натискъ какъ будто смутилъ на минуту Акима

Григорьевича. Потокъ его обличительныхъ воспоминаній изсякъ. Но Сеня порывисто перебилъ меня:

— Эхъ, товарищъ, знаемъ, что вы скажете! — волнуясь и спѣша заговорилъ онъ. — Больше нужно работать? Глубже массу захватывать? Это давно мы слышали. Это социаль-демократы еще въ пятомъ году говорили... И про сознательность тогда говорили... И про организацію... И про все, про все говорили... Да къ чему, къ чему все это? Масса всегда массой останется. Ни въ чемъ положиться на нее нельзя никогда. И социаль-демократы много вреда революціи принесли тѣмъ, что въ массу заставляли вѣрить, на рабочій классъ учили молиться. Кто могъ впереди идти, кто могъ самъ бороться, тѣхъ социаль-демократы отъ борьбы удерживали, принижались заставляли... Все массы дожидались. А развѣ изъ рабовъ можно одними только словами сдѣлать свободныхъ людей? Масса! Галдѣть можетъ масса, на митингъ можетъ придти ушами хлопать, — и только! Можетъ масса и представителей своихъ выбрать... Поддержку имъ обѣщаетъ, а потомъ сама же ихъ выдастъ! Если массы ждать, какъ социаль-демократы учатъ, то ни революціи, ни социализма не будетъ никогда! Никогда!

— По мнѣ, — вставилъ Акимъ Григорьевичъ, — погибнуть за настоящее дѣло не страшно. Только, чтобъ дѣло было нужное, дѣйствительное. Я погибну, другіе будутъ то же дѣло продолжать, и дойдутъ таки до конца. Но за слова въ петлю лѣзть? За слова, которыя, какъ отъ стѣнки горохъ, отскакиваютъ? Нѣтъ смысла въ этомъ.

— Неужели же ваше старое дѣло не было «настоящее», «нужное», «дѣйствительное»? — снова спросилъ я старика. — Вѣдь вы работали надъ тѣмъ, чтобы поднять своихъ товарищей-рабочихъ, сдѣлать ихъ болѣе сознательными, глаза имъ на жизнь раскрыть. И по вашимъ